

Дальнее — близкое — эпизод 31 из 31

Ученикам училища, разумеется, не позволялось заниматься птицеводством, но у нас оказался удобный выход. Квартира звалась садинской, но Сергей Вавилыч был только владельцем дома, а ученическую квартиру в верхнем этаже держала его дальняя родственница. Сам владелец дома со своей семьей жил в нижнем, полуподвальном этаже, и его квартира не подлежала инспекторской ревизии. Садин, по основной профессии маляр, был большим любителем охоты, рыбной ловли и всего, что связано с походами за город. Хозяйственные люди, как мне потом удалось слышать, не очень одобрительно отзывались о нем:

— Вавило-то ему вон какой дом оставил и к мастерству приучил. Живи, как у Христа за пазухой, а он себя, гляди-ка, в подвал забил. Недаром, видно, сказано: «Охота — не работа, хлеба не даст».

Сергея Вавилыча действительно чаще можно было увидеть с ружьем или рыболовными снарядами, чем с малярными кистями. Оценивая свое положение, этот высокий длиннолицый человек говорил:

— Больше малярных работ наберешь, меньше годов проживешь. Мой вон родитель на сорок пятом свернулся. Дом нажил, а веку не дожил, а мне желательно наоборот: хоть дом проживу, а свое доживу. Больно ведь занято в лесу-то и на реке тоже. Вон я...

И он начинал рассказывать о чем-нибудь недавнем. Тонкое, детское чутье подсказывало, что говорит это не промысловик, а человек, влюбленный в природу и хорошо ее наблюдающий. Особенно часто он рассказывал о весенней охоте на глухарей. При этом неизменно выплывало «лучшее токовище в нашем краю», которое удивляло Садина своей добычливостью.

— Ведь и место не больно удаленное. Между Челябинским трактом и полевской дорогой есть свечной завод. Там воск в больших чанах топят, потом в воду спускают, воск и застывает пластинками вроде стружки. Эту восковую стружку раскидывают на большие решета и отбеливают на солнце, как холсты. Места под отбеливание много, а людей не так уж много. Двое-трое при варке да пятеро-шестеро по разноске восковой стружки. Что и говорить, дело тихое, а все-таки люди. И рядом, в лесочке, это самое токовище. Куда я ни хаживал, а лучше не видал. Иной раз за одну охоту

столько набьешь, что едва до дому донесешь. И не тому дивишься, что охота удачливая, а вот, как это устроено: направо дорога, налево дорога, город близко, а глухарь все-таки это свое токовище не бросил!

В числе других трофеев охоты у Садина была живая лиса. Она была привязана недлинной цепью к обыкновенной собачьей конуре. Понятно, что каждому из нас хотелось «приручить лису», но она злобно тьякала тонким голоском на каждого приближающегося, а если видела что-нибудь у него в руках, то скрывалась в свою конуру. Ближе других подпускала лишь Сергея Вавилыча, когда он приносил еду, но близко не подходила, пока Садин не отойдет. Сосед, нередко заходивший к Сергею Вавилычу, спрашивал:

— На что ты эту нахлебницу держишь? Давно на воротник поспела, а он ее рыбой да мясом кормит! В копеечку она тебе обойдется, а получишь столько же, сколько и сейчас.

— Не конторский я, — отвечает Садин, — чтоб мне все копейки сосчитать. У меня тот интерес, не удастся ли ее приручить.

В квартире у Садина была не одна клетка с птицами, а в сенях жили два ручных голубя. Мы пользовались этой особенностью нашей квартиры: свою птицеловную добычу тащили к Сергею Вавилычу.

Против садинского дома был тогда один маленький домик, в котором останавливались приезжавшие из монастырских заимок. Через ворота этого домика можно было попасть в монастырскую рощу, которая занимала тогда огромную площадь, обнесенную с трех сторон каменной стеной.

Нас, ребят, конечно, привлекали монастырские стены, особенно сложенные из дикого камня. Очень хорошо тут играть «во взятие крепостей». При всей занимательности верходановского сада и строгом запрещении отлучаться с квартиры мы все-таки бегали на нынешнюю улицу Большакова, чтоб оттуда «занять крепость». Кстати, здесь и вовсе в других целях, как я узнал впоследствии, были налажены перелазы. Да ведь как ловко! Стена как стена, а глядишь — один камень убран, другой выдвинут — иди, как по лестнице! Только, конечно, знать, где эти перелазы.

Взрослые не разделяли мнения о занятности монастырских стен. Наоборот, ворчали, что «монашки город теснят да наледь разводят». Действительно, эта «монастырская роща» являлась чужеродным телом и мешала правильной планировке растущего города. Если еще можно было понять назначение ближайшего к монастырю загороженного места, то остальной кусок, кварталов на двенадцать — шестнадцать, казался вовсе ненужным для

монастыря. Вероятно, за каменными стенами здесь была просто земельная спекуляция более тонкого вида, чем многочисленные пустыри. Частицу этой спекуляции мне пришлось потом увидеть, когда монастырь продал в годы хождения золотой валюты за сто тысяч рублей свой капустник, на котором теперь построено здание электрохимического института (бывшее епархиальное училище) и высшей партийной школы (бывший строительный институт). Разговор о наледи тоже имел основания. На монастырском участке был устроен прудок, который при неналаженности спуска поддерживал заболоченность нижележащего участка города и ранней весной сказывался наледями на улицах 8 марта, Разина, Чапаева.

Живая лиса во дворе, верходановская усадьба, монастырская стена, которую можно брать приступом, чечетки, щеглы и жуланы «не хуже наших», Сергей Вавилыч, новый уклад жизни — все это так захватило меня, что первые две субботы я не ходил в Верх-Исетск. Когда же наступила осенняя слякоть и игры волей-неволей были перенесены в комнаты, я после какого-то «столкновения в своей среде» вспомнил о Мише, о «необитаемом», о Парасковьюшке, о Никите Савельиче, даже о Софье Викентьевне и почувствовал, что мне стало скучно. Идти в Верх-Исетск уже не решался: «Заругают, что долго не был». В то же время тревожило, как сказать дома, что не хожу к Никите Савельичу. От этого стало еще беспокойнее. Но вот Никита Савельич, возвращаясь из Сысерти, заехал сам. Он рассказал о моих домашних, спросил, как учусь, потом стал разговаривать с другими ребятами. Как выходец из духовных, он знал многих «по отцам», а разговаривать он умел. Всем нашим так понравился, что я потом этим даже гордился.

Посидев в верхнем этаже, он сказал мне:

— Ну, пойдем к Вавилычу.

Оказалось, что он хорошо знал Садина и запросто называл его Вавилычем. Разговаривали они об охоте. Никита Савельич сам охотником не был, но очень интересовался истреблением волков, которые тогда довольно заметно мешали скотоводству. Прощаясь с Садиным, он передал ему два серебряных рубля и попросил:

— Ты, Вавилыч, направляй этого парнишку каждую субботу и канун праздника к нам. Когда вовсе грязно, найми ему извозчика. Выйдут деньги, скажи: с ним пришлю либо сам завезу.

С той поры мои субботние походы в Верх-Исетск стали регулярными. Никита Савельич вовсе «не ругался», а Софья Викентьевна усиленно меня «подкармливала», хотя я и в квартире не голодал.

